

Я. Ганецкий

**ПРИЕЗД ТОВАРИЩА ЛЕНИНА
ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИЮ**

(1917 г.)

«Ильич должен во что бы то ни стало скорее добратъся в Россию» — вот рефлекс после первых сообщений о Февральской революции. Помню, когда я на вызов тов Пятакова и Коллонтай приехал к ним из Стокгольма в Христианию*, мы, помимо всяких других планов, в первую голову коснулись этого вопроса. И длинную телеграмму к Владимиру Ильичу, где мы представили нашу оценку положения и просили Владимира Ильича высказаться, заканчиваем: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой, поезжайте хотя бы в Финляндию»..

Наша телеграмма была довольно наивной. Вопрос поездки не меньше волновал самого Владимира Ильича. Но как его провезти — вот самое главное. Вначале казалось, что Владимиру Ильичу следует ехать, как и всем эмигрантам, — на Англию. Ведь дана амнистия, политические дела ликвидированы, приезжают свободно эмигранты, возвращаются каторжане. Но то, что казалось ясным для многих, не всегда удовлетворяло Владимира Ильича. На сделанное в этом направлении предложение и от нас из Скандинавии, и от товарищей из Питера Владимир Ильич прислал мне 30 марта из Цюриха следующую телеграмму в Стокгольм:

«Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через совет рабочих депутатов обмена против интернированных немцев. Телеграфируйте Ульянов».

(Телеграмма составлена на немецком языке.)

Вскоре мы убедились, как прав был Владимир Ильич. Тов Троцкого, возвращавшегося из Америки, англичане задержали в Галифаксе. И только благодаря силь-

* В настоящее время г. Осло

ному напору красного Питера удалось добиться его освобождения и пропуска в Россию после месячного заключения.

Но план Владимира Ильича не так легко было провести. Не так легко было убедить почтенное Временное правительство «помочь» приезду Владимира Ильича, при этом через Германию: что сказала бы на это ее величество Антанта?

Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, томился, и эти муки подсказали ему довольно курьезный план поездки. Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и 2 фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: «Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий. Найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии.» Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план. Да зачем были фотографии? Обоих я знал с 1903 года, мы весьма часто встречались, а два года подряд жили в одном городе, в Кракове... Однако фотографию Владимира Ильича я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей «Политикен», а под ней передовица. «Вождь русской революции»

А пока в швейцарской колонии шли горячие дебаты, можно ли ехать через Германию и на каких условиях. Из Питера же приходили сбивчивые инструкции по вопросу о приезде Владимира Ильича. Так, 5 апреля я получаю от тов. Шляпникова следующую телеграмму:

«Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение

Беленин»*.

* Беленин — партийный псевдоним А. Г. Шляпникова

А на следующий день, 6-го, получаю от него же такую:

«Не форсируйте приезда Владимира Ильича.
Избегайте риска

Беленин».

Когда оказались напрасны все надежды на помощь Временного правительства обеспечить проезд через Англию, швейцарские эмигранты решили приступить к переговорам с германским правительством Переговоры вел швейцарский товарищ Платтен Выработанные всей колонией условия были приняты германским правительством Условия эти были следующие:

1 Едут все эмигранты, без различия взглядов на войну

2 Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения тов Платтена Никакого контроля ни паспортов, ни багажа

3. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных

Несмотря на эти условия, меньшевики, хотя и сами их приняли, не решались выехать Они все ждали благословения на поездку от совета депутатов

6 апреля я получаю от Владимира Ильича из Берна следующую телеграмму:

«У нас непонятные задержки. Меньшевики требуют санкции совета рабочих депутатов Пошлите немедленно кого-нибудь в Финляндию или Петроград для выяснения с Чхеидзе, осуществимо ли это Желательно мнение Беленина Телеграфируйте Народный дом Берн

Ульянов»

(Текст на немецком языке)

Но, не дожидаясь ответа, Владимир Ильич, очевидно, убедил меньшевиков, и 7 апреля я получил следующую срочную телеграмму:

«Завтра уезжает 20 человек Линдхаген и Стрём * пусть обязательно ожидают в Треллеборге ** Закажите срочно Беленина, Каменева в Финляндию

У л ь я н о в»

Итак, «едут»... В Стокгольме у нас был создан эмигрантский комитет. Но я ему не особенно доверял и решил сообщить о приезде Владимира Ильича после того, как последний очутился в пределах Швеции.. Я решил съездить в Мальмё (оттуда час езды до порта Треллеборг). Хотя Линдхаген и Стрём были излишни, я — ввиду 2 телеграмм Владимира Ильича — решил пригласить с собой Стрёма..

Весь день, взволнованный, бродил я по Мальмё. «Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?» — Мысли эти сильно тревожили меня. Наконец, под вечер едем в Треллеборг.. Пароход приближается к берегу... Но какая досада, — ни Ильича, ни других нет.. Высчитал ли я плохо день приезда, или что-нибудь случилось с ними в пути. Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня. Едем обратно в Мальмё. Тов. Стрём уезжает, — выборная кампания требует его присутствия в Стокгольме. Я остаюсь один, в помощь получаю одного местного товарища.. Медленно тянется ночь, еще медленнее следующий день.. Опять еду в Треллеборг. Но пароход опять не привозит наших путешественников. Еду обратно в Мальмё. За ночь придумываю всякие планы для выяснения. Утром говорю по телефону с женой в Стокгольме — там никаких сведений. Даю срочную телеграмму в Швейцарию — никакого ответа. Товарища шведа оставляю в Мальмё, где он должен ждать моего телефона, а сам в третий раз еду в Треллеборг.

На мое предложение дать телеграмму в Засниц начальник станции объясняет, что пароход оттуда ушел уже. «Нельзя ли дать радио на пароход?» — спрашиваю я. «Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы». Заметив на станции объявление царского Красного Креста, я разъясняю начальнику, что я командирован Красным Крестом принять партию эмигрантов,

* Оба — шведские товарищи, члены парламента

** Шведский порт, а на другой стороне — германский Засниц

а потому прошу запросить капитана, едет ли эта партия, сколько мужчин, женщин и детей, дабы я мог заблаговременно заказать места в вагоне. Мне удалось убедить начальника, и он дает капитану телеграмму «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин». Минут через 20 получается ответ: «Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты», — и тут указывается количество каждого пола.

Я ожил. Начальник не понимает перемены во мне. Первым делом бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальмё о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон, а также ужин в ближайшей возле вокзала гостинице. Переговорил с женой в Стокгольме и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и т. п. Жена, между прочим, сообщает о полученной телеграмме из Засница от 12 апреля

«Сегодня 6 часов Треллеборг

П л а т т е н У л ь я н о в»

Заказываю билеты и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов.. Я прямо в исступлении. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь показать им Ленина.

Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец, он причаливает. Постепенно появляются фигуры Платтена, Владимира Ильича, Зиновьева, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей.. Тут же и Радек. Рассчитывая на добросовестное исполнение немцами наших условий о неосмотре паспортов, он решил воспользоваться и «нелегально» пробраться в Россию (Радек, как известно, был «австрийским подданным»).

Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах. Минуты нельзя терять, — через четверть часа едет поезд в Мальмё. Таможенники багажа не осматривают, просят лишь исполнить обещание и показать им вождя революции.. Мы сидим уже в вагоне. Радек со свойственным ему темпераментом рассказывает, в каких условиях они получили мою телеграмму на пароходе. Дело в том, что шведы во время войны ввели для всех въезжающих

в Швецию детальнейшие, скучнейшие анкеты (наши бесчисленные могли бы все же с ними конкурировать) Владимиру Ильичу преподносят в каюту сию бумажку. Ильич засуетился. Переговорил с Зиновьевым, Радеком и другими — анкеты уже у всех на руках. Что сие обозначает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы надули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции — и та теперь возьмется. Создается тут же «военный совет». Как быть, написать ли Ильичу настоящую фамилию или фиктивную. Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов. Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего, — в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя. Тут капитан сообщает текст моей телеграммы.

Мы уже в Мальмё. Товарищ-швед ждет нас. Вблизи заготовлен великолепный ужин. Усталая от 4-дневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские смэргосы (закуски). Один из товарищей замечает: «Теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать».

Специальный вагон подан. Через 15 минут мы уже катимся в Стокгольм. В отдельном купе уселись Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев, Радек и я. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивающейся революции, форму, которую она должна принять. Владимир Ильич указывал на грядущую опасность, угрожающую со стороны Керенского, хотя последний особенной роли еще тогда не играл. Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношений между партией в России и внешним миром и вообще «на всякий случай». Намечается создание заграничного бюро ЦК партии в составе тов. Воровского, Радека и меня. Лишь в 4 часа удалось нам уговорить Владимира Ильича поспать немножко.

Утром, в 8 часов, не доезжая до Стокгольма, на какой-то станции в вагон нагрянула целая ватага стокгольмских корреспондентов, получивших телеграфное сообщение от своих коллег из Мальмё о приезде Лени-

на Владимир Ильич их не принял. Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы. . В 9 часов мы уже в Стокгольме На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удается пройти незамеченным. . Весь день Владимир Ильич и минуты не отдохнул Он и слушать не хотел, чтобы отдохнуть в Стокгольме хотя бы один день. Каждая минута для него дорога. Весь день он суетился, опасаясь забыть что-нибудь Вот собрание приехавших (принадлежат они к разным партиям,— большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, анархисты) Составляется и подписывается всеми точный протокол о поездке. Идет организация заграничного бюро. Владимир Ильич оставляет нам точные инструкции Он спешит закупить последние новинки-книги и подбирает еще кое-какие партийные материалы

Не успели мы оглянуться, как уже надо ехать к поезду. Снова вокзал, сутолока, шум, гам, крик и плач ребят. Владимир Ильич о всех заботится, спрашивает, хорошо ли устроены товарищи, особенно дети Поезд двигается С затаенным дыханием шлем мы великому вождю последние приветствия и думаем. он направит революцию на правильные рельсы

Вечером в воскресенье 16 апреля Владимира Ильича восторженно приветствует на вокзале в Питере необъятная масса рабочих. Он тут же, взобравшись на броневик, произносит свою знаменитую речь, доказывая, что борьба должна вестись под лозунгом «Вся власть Советам!»